

Борис Георгиевич Добронравов

Тяжелая утрата

Нет с нами больше Бориса Добронравова — одного из самых больших и ярких художников нашего времени, одного из любимых артистов нашей страны. Тяжела эта неожиданная безвременная утрата.

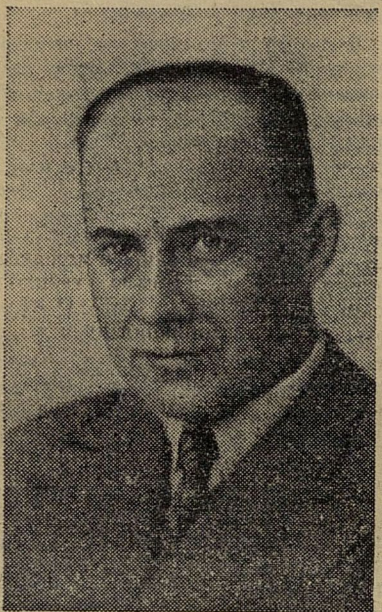
Артиста Художественного театра Бориса Георгиевича Добронравова знали и любили советские зрители, им гордились, как выдающимся мастером советского театра.

Это был актер могучего, покоряющего обаяния — подлинный русский национальный актер, как будто рожденный для того, чтобы воплотить на сцене всю глубину, всю гуманистическую силу русского национального характера. Это был актер неподкупной жизненной правды и простоты. Это был художник огромного страстного темперамента, актер-гражданин, который горел любовью к Родине, к своему великому народу и ненавистью к его врагам.

Бориса Георгиевича Добронравова нет уже среди нас. Но образ этого замечательного художника-актера живет и будет жить. Мы с благодарностью вспоминаем сегодня образы современных советских героев, созданные Добронравовым. Им, этим героям и творцам новой социалистической жизни, принадлежало первое почетное место в его творческой биографии. Перед глазами встает, как живой, замечательный образ Платона Кречета, в котором так ярко раскрылись героические черты новой советской интеллигенции. Незабываем его командир эскадрильи — большевик Кирсанов в пьесе Ф. Вагрова «Взлет» — человек несгибаемой воли и душевной теплоты.

С громадной силой и убежденностью нес Борис Георгиевич Добронравов в пьесе «Земля» Н. Вирты правду большевистских идей, играя роль партизана Листрата. Во время Великой Отечественной войны его Сафонов в пьесе К. Симонова «Русские люди» олицетворял беспредельную преданность советского человека Родине.

Вспоминая эти и многие другие образы наших современников, созданные Добронравовым в театре и кино, мы видим перед собой артиста,

для которого жизнь и борьба советского человека стали основным смыслом творчества, высшим поэтическим вдохновением.

Добронравов раскрыл многогранность своего дарования также и в произведениях русской классической драматургии.

Советское правительство высоко оценило выдающиеся заслуги Б. Г. Добронравова в развитии советского театра, присвоив ему почетное звание Народного артиста СССР и наградив его орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

Борис Георгиевич Добронравов ушел от нас в расцвете сил и таланта. Он прожил прекрасную творческую жизнь. Он отдал всего себя, все силы своей большой, любящей души родному искусству, искусству для народа. Он в каждом спектакле жил, горел, творил всем своим существом, всем своим горячим сердцем. Это был его ответ на признание народа. Он с честью носил высокое звание Народного артиста Советского Союза.

Никогда не умрет, не потускнеет в наших сердцах светлый образ этого изумительного актера, нашего дорогого, любимого друга.

О. Книппер-Чехова, М. Кедров, П. Лебедев, Н. Беспалов, А. Фадеев, С. Кафтанов, В. Кружков, А. Тарасова, Б. Флягин, Е. Алексеева, Ф. Калашин, В. Арапова, П. Тарасов, В. Пименов, А. Соловников, Н. Гаврилов, О. Андровская, К. Еланская, Л. Корнева, А. Степанова, Н. Литовцева, А. Зуева, Н. Соколовская, Ф. Шевченко, С. Халютин, А. Грибов, Б. Ливанов, М. Прудкин, В. Станицын, В. Топорков, И. Судаков, В. Орлов, Н. Телешов, П. Марков, В. Ершов, С. Блинные, М. Яншин, Е. Калужский, А. Яблочкина, К. Зубов, Н. Черкасов, Н. Голованов, Ю. Завадский, И. Берсенева, Н. Охлопков, А. Попов, Р. Симонов, Н. Силантьев, А. Бучма, М. Крушельницкий, Г. Юра, А. Васадзе, К. Хохлов, Э. Смилгис, В. Балюнас, И. Нежный, Ф. Михальский, И. Гремиславский, М. Фадеев, Н. Чушкин, В. Виленкин, В. Радомысленский, А. Корнейчук, Л. Леонов, Н. Вирта, Н. Погодин, К. Симонов, С. Сутоцкий.

У гроба

Московский Художественный академический театр погружен в глубокий траур. Коллектив потерял одного из лучших своих представителей — народного артиста СССР Б. Г. Добронравова.

Поздно ночью, по окончании спектакля, проб с телом Б. Г. Добронравова был установлен в фойе театра, где собрался коллектив театра, с которым покойный прошел весь свой яркий артистический путь. На стене — портрет артиста, увитый крепом и зеленью. Отдать последний долг талантливому художнику пришли артисты других театров столицы.

На гроб возлагаются первые вен-

ки — от Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР, от МХАТ, от школы-студии имени Вл. И. Немировича-Данченко. На аллах подушках — ордена и медали, которыми правительство наградило Б. Г. Добронравова за выдающиеся заслуги в области искусства.

Оркестр играет траурные мелодии Шопена, Чайковского. В почетный караул становятся ближайшие друзья и товарищи покойного...

Под утро гроб был перенесен в зрительный зал, декорированный черно-красными полотнищами и зеленью.

Замечательный талант

Борису Георгиевичу Добронравову было 19 лет, когда он был принят в 1915 году в число сотрудников Московского Художественного театра. На конкурсный экзамен пришло 700 человек. Отобрали семерых — одним из них был Добронравов.

Что привлекло внимание строжайшей комиссии к неуклюжему, долговязому, угловатому юноше, — сказать трудно. Вероятнее всего, та внутренняя страстность, какая была всегда присуща его порывистому и беспокойному темпераменту. У Добронравова до конца жизни оставался какой-то сверлящий взгляд его светлых глаз. Он всегда был во внутреннем возбуждении.

Добронравов пришел в Художественный театр в трудную пору. Шла война, разруха, надвигался голод, в театре все чаще и чаще слышалось невеселое слово «тушик». Новых постановок не было.

Все узлы разрубил своим мечом Великий Октябрь. И под воздействием всемирно-исторических событий по-новому пошла жизнь.

Впоследствии Добронравов писал: «Моя сознательная актерская жизнь началась под грохот пушек Великого Октябрьского восстания. Все эти годы я рос, духовно развивался и созрел под опутным влиянием могучей созидательной работы советской власти. Меня незримо направляла, создавала и оформила, как советского актера, коммунистическая партия, партия Ленина — Сталина. Камень за камнем создавалось грандиозное здание социализма, шаг за шагом формировалось мое внутреннее я».

В этих словах — ключ к пониманию зерна добронравовского творчества. Ибо главное в Добронравове было не только, что он был актером большой русской правды, а то, что он стал актером советской мысли, советского жизнеощущения. И в том, как Добронравов играл в дальнейшем не только строителей советского строя, но и его врагов, — во всем этом всегда наличествовала большая, советская, партийная жизнь. Нейтральных чувств Добронравов не знал. Созерцательный объективизм был чужд его огненному духу.

Все это, однако, выявилось не сразу. Прошло, пожалуй, целое десятилетие, пока Добронравов нашел себя как художник и пока его заметили и полюбили в зрительном зале. Случилось это приблизительно в 1926 году, когда Добронравов сыграл по классической линии приказчика Наркиса в «Горячем сердце» Островского, а в современном репертуаре — штабс-капитана Мышлаевского в «Днях Турбинных» Булгакова. Особенно запомнился Мышлаевский. Вот Добронравов — Мышлаевский входил обмороженный и застуженный в уютный турбинский дом, и сразу вывели целиком весь портрет этого грубоватого, резковатого артиллерийского офицера с громким голосом, сильными и непринужденными дви-

жениями. Сегодня Мышлаевский еще цепляется за остатки своих белогвардейских мыслишек, а завтра уже прозреет — правда на стороне красных. И все это в Мышлаевском — Добронравове шло от глубокой жизненности, от логики переживаний. Так впервые реализм Добронравова был воспринят на этом спектакле, как нечто своеобразное и неповторимое. В его игре не было никакой красоты и прилизанности. Ему была присуща органическая мужественность.

С тех пор, по какую бы сторону баррикад ни ставили Добронравова авторы тех или иных пьес, он всегда был предельно искренен и правдив. Если ему приходилось показывать отрицательные образы, он строил их так, что зритель сам находил к ним верное отношение. Он никогда не шаржировал, не нажимал, не преувеличивал, но он воплощал образы врагов так, что зритель воспринимал их реальную опасность. Таким был Михаил Яровой в пьесе Тренева, как его играл Добронравов. Когда же Добронравову приходилось играть настоящих советских людей, в нем пробуждалась особая возвышенность и поэтичность. Был ли это деревенский большевик Листрат Григорьевич в «Земле» Вирты, или Платон Кречет в одноименной пьесе Корнейчука, или Сафонов в «Русских людях» Симонова, — все это были живые люди, овеянные у Добронравова нежной теплотой. Эта теплота не имела ничего общего ни с сентиментальностью, ни с чувствительностью, но она как бы сама собой излучалась в игре Добронравова. Во всем же остальном Добронравов оставался художником резких линий, суровых интонаций, размашистых движений. Он как будто рисовал углем на серой поверхности полотна, не думая о дальнейших красках. Он был скорее мастером рисунка, чем живописцем.

По его собственному признанию, когда он работал над новыми ролями, он особенно интересовался профессией своих героев. Когда дело шло о легинках, он ходил по аэродромам и мастерским; когда в «Платоне Кречете» ему пришлось столкнуться с хирургией, то он стоял подле операционного стола, волнуясь за исход операции. Без таких дополнительных познаний ему было не по себе, и он не мог свободно жить на сцене.

Из классических русских авторов чаще всего Добронравову пришлось играть в пьесах Островского и Чехова. Те, кто видел Добронравова Тихоном в «Грозе», никогда не смогут забыть этого на редкость сложного и в то же время убедительного раскрытия образа. Все, что в Тихоне было подспудно хорошего, — все это вскрывал и показывал Добронравов и в то же самое время не забывал и безволия и дряблости Тихона, его тупости и ограниченности. Добронравов так сочетал замеченные им контрасты, что они дополняли, а не исключали друг друга.

В «Вишневом саде», где Добронравов в последние годы играл Лопехина, он также любил вскрывать противоречивость лопехинской натуры. Если Лопехин и покупал на торгах вишневый сад, то он мучился этой своей покупкой. Конечно, в конце концов Лопехин ударит топором по вишневому саду, но как не хотелось ему нанести этот удар! И Добронравов вот эту двойственность Лопехина особенно ценил, она давала ему возможность извлечь из роли разнообразные оттенки.

Одной из самых последних ролей Добронравова был Иван Петрович Войничский в «Дяде Ване» Чехова. Такого дяди Вани в Художественном театре еще не видели. Если и раньше страстность была одной из основных черт Добронравова, то теперь страстность превратилась в подлинную страсть, придавшую напряженный ритм игре Добронравова.

В его дяде Ване не было полутон; наоборот, каждое чувство доводилось им до накаленной интенсивности. И ненависть к профессору Серебрякову, и влечение к Елене, и сознание напрасно прожитой жизни — все это было взято Добронравовым крупно, ярко, четко. Тут открывалось, несомненно, новое прочтение чеховских пьес, без всякой блеклости, без малейшей притупленности. Тут открывалась еще одна грань уже трагического таланта Добронравова.

И все же Добронравов был исключительно актером русских пьес, и талант его, мощный, яркий, был талантом национального художника. Это национальное в Добронравове было глубоко советским, и он сам говорил, что «залог дальнейшего роста нашего творчества — в тесной связи с народными массами, в близком общении с делами и людьми нашего времени. В этом — несомненный источник нашего вдохновения, дерзания, успеха!».

Добронравов любил в советских людях играть не только действительность, но и мечту, он умел передавать в каждом из воплощаемых им людей веру в прекрасное будущее, в справедливую жизнь на земле, ради которой они трудятся, борются, умирают.

Сейчас, когда смерть внезапно вырвала Добронравова из рядов советских артистов, его мысли и дела воспринимаются, как замечательный пример страстного, партийного отношения к вопросам искусства, как образец глубокого жизненного реализма. Его мысли и творчество останутся навсегда драгоценным наследством для многих и многих актерских поколений. К его возвышенному, бурному таланту будут обращаться все те художники сцены, которые захотят понять творческую природу советского сценического реализма.

Н. ВОЛКОВ.

Комитет по делам искусств при Совете Министров СССР с глубоким прискорбием извещает о смерти выдающегося мастера советского театра, народного артиста СССР, артиста Московского Художественного академического театра СССР им. М. Горького

Бориса Георгиевича
ДОБОНРАВОВА

и выражает соболезнование семье покойного и коллективу театра.

Московский Художественный академический театр Союза ССР имени М. Горького с глубокой скорбью извещает о смерти артиста Московского Художественного театра, народного артиста СССР, дорогого друга и товарища

Бориса Георгиевича
ДОБОНРАВОВА

и выражает соболезнование семье покойного.

ОТ КОМИССИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ
ПОХОРОН НАРОДНОГО
АРТИСТА СССР
Б. Г. ДОБОНРАВОВА

Гроб с телом покойного установлен в помещении Московского Художественного театра.

Доступ к гробу открыт с 6 часов утра до 14 часов дня. Гражданская панихида состоится в 15 часов дня.

Вынос гроба — в 16 часов.

Похороны на Ново-Девичьем кладбище.